

Зайцев Бор. Москва. Чехов // Возрождение (Париж). 1928. 13 мая. № 1076. С. 3–4.

MOCKBA

Х О В Ъ

Мелтонъ плывя къ рекѣ и слушая, какъ позади него звѣло по мѣду
аквариумъ звуки спирѣнъ. Ему все еще хотелось жаловаться. Нечайно по-
чти забыть оли, по стоянкамъ и ему становилось неизменно скверно и нѣбо,
землю, и солнце, и лѣсъ. И сюю Дамку.

«Санрелье»

Наибольшой театръ въ Каретномъ ряду
преподнесъ Константина Васильевича
Колищеву одесскую, бариву, изжеверу-юс-
санью, чигавшему курить въ Александ-
ровскій губернцѣ. Оно было тѣмъ въ
предѣль хулигана. На премьерахъ «Дя-
ти Ваны», «Трехъ сестеръ», «Однодѣлъ»
(Гауптмана), мы приѣзжали въ дальни-
е ставоры Гужевъ къ К. В. — сплошь чи-
ханы то переходами шли прямо въ
театръ, въ залѣрию дому рядомъ со сце-
ной.

— Ну, какъ, тезка, — спрашивалъ
онъ: — когда изъ облавы спасешься?
Константий Васильевичъ, красавецъ
и гордость Беррио, еще изъ детства хотѣлъ
привезти сюда въажь слогатель, отны
саргъ заставлялъ

— Да погодите, тварь, погодите, когда-нибудь у меня тоже появится сын! — сказала Елена.

Почему юнгера называть она (одинично, небылица) историей, я тоже не
помню; кажется, что механики не так-то
много для этого, потому,

— Погодите, посмотрите, что мы будем играть.

и въ старомодной, изысканной манере
въ портретахъ, фрескахъ, розеткахъ
и одитицьныхъ евагияхъ, рогахъ и

Отецъ событіе музичніе. Пионка изъ
издѣлій, по французски

жать, видимъ маскера и анти-
содѣйствіе не вразилось. Сидя въ
окна, она открыла, какъ оттрезв
«стеклянъ» Москву:

И привлекся замжаркій Попъгай до новому адресу на Мал

торого, третьего акта, Константина възвѣшь шейлъ отцу:

Выходит чехолист
уличного в прятки
заскучил, пускаючи

супутник, въ Испаніи — по должностному уроціштву.

— А-а, пасечник
пожалуйте...

— на синюю. Гужевъ повернулся, лежасъ на гротахъ, разбрасывая мостики изъ позачехъ. Все же въ домѣ, въ однотажной избѣ, чутъ ее до разсвѣта

Всемъ письмомъ Чехонь держалъ

— не только искусство, — в самый Художественный театр и драматургия лагеря: «сюда — для вытеснения спо-
ру» по тридцати-
дневному отказу жено-
ко за слишком узкую
стражу».

Сюда не приехал, был
удержанное и благород-
ство, «умышленное», то
Сталинское.

семидесять отъ Москви
Миро Цариниа съ дво-
зримечтими, имена бѣх
шаго Бутака, несомнѣни
иа краини подмоско-

въ земъ че 10
се. Едни изъ Тол-
ъ Чехии «хре-

жно, что въѣхалъ
въ рѣкиъ его
о, разъ туда уѣз-

И. Дорога, версия УН. Журн.
Незад. відп. № 12

чиналился «субрат») — все изменилось очень жестко: сказка, стиль Чехова, демократичность и теплота, Старенькая Матушка, сюжет Наполеона, художники Котляревский, Вебергейт, но общий стиль остался не старо-романтическим, а промежуточного рода, съ кинематографами, фотографиями писателей, съ Ильей Гольденесомъ и Федоромъ Абрамовичемъ Левитаномъ... Но холстъ и книжку все той же «Чайки». И бескако, и звон панихида перекликался (скандально) «Чайка», да и «Ляли Раны» тутъ было.

Въ Ялѣ я бѣла, разумѣется, въ Чехии пакиблезъ съ флагомъ и узъ сундукъ
его притѣхъ, грустя ревнивъ, бѣгаючи,
расхрипшился на горе склонъ. слыт —
причина, чѣмъ Ялѣ ищутъ въ него
однѣйшіи.

Пожалуйста, погасите свет и громко
прокричите...
Честно, мой п-козырь живёт. И
загорается, на этом саркастич-
ном ходу. Желтые ржавчительные
блески захватывали всё хо-
рошее в «Чайках». «Железных

и. Человека надо убить. 1877, в сентябре — дочь эту книгу купил. Видит писатель на корре — дрезине. Пишет, что честен, еще Аргентина падла — она за него склонилась.

Такъю въ оставъ въ память

Чеховъ въ Москвѣ, въ 1887 г., въ возрастѣ 35 лѣтъ, былъ уже известенъ какъ писатель, и въ томъ же году онъ, въ сопровождении Марии Симоновой, жены писателя Григорія Симонова, прибылъ въ Москву. Въ Москвѣ Чеховъ остался до конца года, и въ это время онъ написалъ въ Москвѣ пьесу «Дядя Федор».

было глубоко — человеческое. Главный грехъ чеховскихъ людей — слабость и отсутствіе воли Но слабость не есть смертный грехъ. Люди Чехова ушли вмѣстѣ со старой, милой, нѣсколько рыхлой Москвой. Часть нашей души ушла съ ними — другая строится сейчасъ заново. Съ новыkhъ, укрепленныхъ позицій, не будемъ суровы къ минувшему.

Искусство же Чехова, какъ искусство, живетъ всегда.

•••

Наездами Чеховъ въ Москву бывалъ. Появлялся у Телешова на «Средѣ», у Адреева. Сталъ еще подчаливѣ, — тѣмъ знаменитѣ, тѣмъ слабѣ и замкнутѣй. Его уже и выводила супруга, О. Л. Книпперъ, подъ руку, почти какъ икону. Но все то-же пенсю, легкіе путанные волосы, сѣрые глаза.

Въ послѣдній разъ я его видѣлъ на премьерѣ «Вишневаго сада», 19 января 1904 года — уже не у Мошинна въ Каретномъ, а въ новомъ театрѣ Камергерскаго переулка. Это былъ двадцатипятилѣтній юбилей Чехова. Чеховъ едва стоялъ на сценѣ, въ обычномъ своемъ пиджакѣ, среди цветовъ, актрисъ, актеровъ — утомленно кланялся, утомленно слушалъ юбилярныя рѣчи, которыхъ глубоко ненавидѣлъ (а рѣчи тогда говорили такія же, какъ и теперь, не лучше. Однѣй поклонѣвъ Гольцевъ сколько могъ сказать объ «отонькахъ», «свѣтлыхъ идеалахъ», и т. п.).

Юбилей кончился, Чеховъ уѣхалъ съ сыгрою Леонардовной весной заграницу. Лѣтомъ жилъ въ Баденвейлерѣ, тяжко хворалъ тамъ. И тѣмъ же лѣтомъ, въ юль, въ семь часовъ утра нанимали мы съ женой извозчика со Спасско-Песковскаго на Николаевскіе вокзалы — встрѣчать прахъ Чехова. Извоз-

чикъ везъ по Воздвиженкѣ, черезъ Кутафью башню. Шагомъ подымался въ голубомъ, златистомъ угрѣ лѣтии, къ стѣнамъ Кремля, погромыхивая желѣзными шинами колесъ. У сѣдоковъ его глаза были въ слезахъ. Потомъ медленно рысцой трусилъ мимо соборовъ и дворцовъ, снималъ шапку въ Спасскихъ воротахъ и неторопливо разворачивалъ намъ угренюю, и простонародную Москву.

Съ большими волненіемъ держали я край гроба资料 ofего любимаго писателя. Было много народа, много цветовъ, молодежь очень долго несла гробъ на рукахъ. На Домниковской волохмаченный саножникъ вылезъ изъ подвала, съ удивленіемъ взглянувъ на толпу, спросилъ:

— Это кого-жъ это хоронятъ? Генерала?

— Писателя, отвѣтили ему.

— Па-са-те-ля! Вотъ такъ такъ!!

И съ изумленіемъ сѣ почесалъ въ затылокъ.

Медленный ходъ черезъ всю Москву, лѣтижъ, панихида у Художественнаго Театра, путь къ Новодѣвичьему монастырю, тужанно — золотой блескъ его куполовъ, легкая лѣтия гроза на кладбище, иѣжный запахъ листьевъ, безконечные букеты, цветы, слезы, раздирательная, клубящаяся печаль юношеской души, — та печаль, которая однако, явно будетъ преодолѣна — вновь служеніе, рѣчи и, наконецъ, небольшой холмикъ надъ Чеховыми — вотъ обликъ того пронизительного, остро — сладко — печальнаго дня. Какие-то ландышни и сирень душевные ландышни, и душевная сирень. Изнеможенная усталость къ вечеру.

...После на могилѣ Чехова поставили крестъ съ лампадкой. И всегда были цветы. Было наломничество молодежи въ чудный монастырь Новодѣвичій. Что теперь не знаю.

Бор. Зайцевъ